

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
БИНАРНОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ
ИСТИНА — ЛОЖЬ

*В. И. Заботкина*¹

Е. А. Боярская^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 20.05.2022 г.

Принята к публикации 15.11.2022 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-8

Аксиологические категории и концепты, входящие в их состав, продолжают привлекать внимание исследователей. Развитие когнитивной лингвистики открыло новые перспективы изучения аксиологических событий, категорий и концептов, входящих в их состав. В статье представлен анализ структуры аксиологической бинарной оппозиции truth (истина / правда) – lie (ложь / обман), выполненный на материале английского языка. Вербализованный концепт truth в английском языке кодирует информацию как об объективно существующей истине, так и о субъективности ее восприятия и ретрансляции как правды. Прототипы концептуальных категорий truth и lie представлены в виде событийных фреймов. Комбинация методов дефиниционного и концептуального анализа позволила выполнить моделирование структуры анализируемых фреймов, определить их основные слоты, а также характер концептуальной информации, которую они фиксируют. Концептуальное моделирование структуры фреймов truth и lie позволило сделать вывод о схожести структуры фреймов по количеству и типу слотов, в то время как их концептуальное содержание является различным. Аксиологическая бинарная оппозиция truth – lie с концептуальной точки зрения представляет собой континуум с промежуточной зоной бленда «ни правда – ни ложь», инкорпорирующей концептуальные аксиологические парадоксы, которые создают основу манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: *правда, ложь, аксиология, концепт, фрейм, моделирование, структура*

Введение

Отношения в рамках аксиологической бинарной оппозиции *истина – ложь* являются традиционной темой исследования в рамках разных отраслей науки, прежде всего философии, логики и аксиологии. Основы изучения данной оппозиции были заложены в работах Платона, Демокрита и Аристотеля. Последний интерпретировал отношения в рамках данной дихотомии следующим образом: «В самом деле, говорить, что сущее не существует или не сущее существует, это – ложь, а говорить, что сущее существует, и не-сущее не существует, это – правда» (Ари-

стотель, 2006, с. 139; перевод в редакции 1934 года). Над проблемой истины размышлял и Фома Аквинский, которому принадлежит ставшее классическим определение истины как гносеологической категории: «...истина определяется через сообразованность разума и вещи» (...per conformitatem intellectus et rei veritas definitur) (Фома Аквинский, 2006, с. 225).

Разные языки по-разному интерпретируют семантику слова истина. Например, с этимологической точки зрения в иврите истина — 'emèt [אמת] — является скорее теологическим понятием. Она означает «прочный, долговечный, стабильный, основанный на вере в союз между людьми и Богом» и уверенность в его обещании, что делает этот термин семантически аналогичным английскому truth (Кассен, 2011, с. 5; Dictionary of Untranslatables, 2014). В греческом истина ἀλήθεια (alêtheia) трактуется как противоположность скрытого. В латинском *veritas* понимается как «норма, надлежащее основание, правило, юридическая истина» (Cassin, 2014, p. 55).

Толкование значения слова 'истина' в русском языке — «противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть» (Даль, 1881, с. 59) — сформировалось в результате диахронической эволюции контекстов употребления — от первоначального поэтического и религиозного толкования, через использование в юридическом и философском дискурсе, с последующим переносом его в область широкого научного нарратива.

Со времен Античности появилось множество теорий истины, среди которых особое место занимает неокорреспондентная теория истины, разработанная А. Тарским, хотя основы данной теории были заложены еще в работах Б. Рассела и Дж. Мура. Основной постулат теории Тарского заключается в том, что носителями истины могут быть предложения (sentences as truth-bearers), а истинность предложения определяется определенными свойствами составляющих его частей, в частности свойствами референции, то есть отношениями слова к внеязыковой объективно существующей действительности. Истина есть не соответствие предложений или пропозиций фактам, а соответствие наших выражений объектам реальной действительности (Glanzberg, 2021). Примечательно, что Тарский называл свою точку зрения «семантической концепцией истины» (Ibid.), что также доказывает необходимость анализа аксиологических дихотомий с позиций интегративной парадигмы исследований (Заботкина, 2017), в рамках классической и когнитивной лингвистики, философии и теории информации, на основе принципов динамической концептуальной семантики, основным постулатом которой является понятие процесса, в том числе процесса приращения и обмена информацией (Боярская и др., 2021; Scott, 2016).

Необходимо отметить, что в русском языке, в отличие от других европейских языков, существует два слова, которые соответствуют английскому 'truth' или немецкому 'Wahrheit' — 'истина' и 'правда'. В научном смысле они не являются синонимами. Размышления о природе отношений между правдой и истиной можно найти в работах Н. К. Ми-

хайловского, Н. А. Бердяева, М. М. Бахтина и многих других отечественных философов. При этом понимание сути того, что есть правда и каковы ее отношения с концептом истины, различается. Так, у Михайловского правда есть комбинация истины и справедливости (см.: Черников, Перевозчикова, 2015), у Бердяева правда отождествляется с истиной (Бердяев, 1991; 1995), а у Бахтина правда есть единство фактического и смыслового наполнения поступка (Бахтин, 1985).

‘Правда’ (этимологически от праслав. *pravida*), определяемая как «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость»; правдивость — «полное согласие слова и дела, истина» (Даль, 1882, с. 391) является не только аксиологическим, но и онтологическим концептом, так как соотносится и интерпретируется человеком. Носителем правды является субъект, и, следовательно, правда в этом смысле является субъектной категорией.

В отличие от правды, истина в большей мере является объективно данной реальностью. Она служит для описания мира, в то время как правда — для его понимания и толкования (Знаков, 1994).

‘Истина’ и ‘правда’ формируют полюс аксиологической оппозиции *правда / истина — ложь*. Известно, что аксиологические дихотомии и категории используются для характеристики абсолютной или сравнительной ценности объекта или свойства, поиска ответов на философские вопросы «что есть хорошо / плохо», какова степень «хорошести», что есть «аксиологическая ценность».

Существует ряд концептуальных бинарных оппозиций, которые по своим базовым признакам прототипа могут быть причислены к основным аксиологическим категориям, например *добро vs зло, хорошо vs плохо* и т.д. Как отмечает А. А. Зализняк, для языковой картины мира (а она вторична по отношению к концептуальной) «характерно противопоставление высокого и низкого, небесного и земного, внутреннего и внешнего... то есть [характерна] аксиологическая поляризация» (Зализняк, 2006, с. 256). Аксиологическая поляризация может выражаться не только в вербализации бинарных концептуальных оппозиций типа *добро — зло*, но и в формировании и вербализации концептов, соотношенных по степени выраженности некой ценности. Примером этого в русском языке являются *долг — обязанность, добро — благо* и, конечно, *правда — истина*.

Результаты

В рамках данного исследования, выполненного на материале английского языка, анализируется концептуальная оппозиция *truth — lie*. Необходимо отметить, что в английском языке существительное ‘*truth*’ является полисемантом, то есть в его структуре присутствуют значения, соответствующие в русском существительным ‘*правда*’ и ‘*истина*’.

Дефиниционный анализ показал, что вербализованный концепт *truth* в английском языке кодирует информацию как об объективно

существующей истине, так и об определенной доле субъективности в ее восприятии и ретрансляции как правды, так как носителем правды выступает субъект. Например, *Collins Dictionary* приводит следующее определение лексической единицы *truth*:

1. The truth about something is all the facts about it, *rather than things* that are imagined or invented;
2. If you say that there is some truth in a statement or story, *you mean* that it is true, or *at least partly true*.

Лексикографы отражают субъективный характер концептуальной информации, фиксированной данным существительным, включая в дефиницию “*rather than things that are imagined or invented*” (объективность versus субъективность) и “*you mean that it is true, or at least partly true*” (субъективность и признание относительности интерпретации факта).

Аналогичный подход к описанию значения демонстрирует и *Oxford English Language Dictionary*:

1. The truth [singular] the true facts about something, *rather than the things that have been invented or guessed*;
2. The quality or state of *being based on fact*;
3. [Countable] a fact that is *believed by most people to be true*.

При этом факт наличия субъективного подчеркивается средствами выражения неопределенности — “*is being based on fact*” (на основании фактов, но конечный результат гипотетически может и не быть истинной), “*is believed by most people to be true*” (семантика глагола ‘believe’ не предполагает объективного, равно как и ‘most people’ оставляет концептуальное пространство для ‘остальных’). Необходимо отметить, что средства выражения неопределенности, а также хеджирование, подобное представленному в примерах ниже, часто используются в различных типах дискурса:

“What I said in it is *the truth to the best of my knowledge*; *what is true is that I know*”

“Sometimes we want to tell our kids *the truth to the best of our ability*, but we may not know how” (British National Corpus).

Данные примеры подчеркивают субъективный характер сообщения, считаемого правдой, так как в них присутствуют вербальные выражения допущения: “*to the best of my knowledge*” (но это может быть и не так), “*to the best of our ability, but we may not know how*” (старались донести правду, но могло не получиться).

Подобного рода субъективные допущения отражают и существующие в английском языке идиомы:

“*bend the truth*” — to say something that is not true or that misleads people but that is usually not regarded as a serious or harmful lie;

“stretch the truth” – to say something that is not exactly true, to describe something as larger or greater than it really is;

“play fast and loose with the truth” – to behave in a clever and dishonest way;

“shade the truth” – to alter the truth to a small extent or degree;

“be economical with the truth” – to avoid stating the true facts about a situation, or lying about it.

В приведенных выше английских идиомах правда / истина концептуализируется как нечто, что может быть подвергнуто деформации, сгибу, растяжению, затемнению и т. д., что концептуально приближает такого рода правду ко лжи. Это является иллюстрацией размытости границ концепта *truth* и существования так называемой ‘серой’ зоны бленда, который формируется континуумом *truth – lie*.

Дефиниционный и концептуальный анализ позволяет осуществить моделирование структуры концепта *truth*, который может быть представлен в виде фрейма, включающего следующие слоты:

Агнс – инициатор диктума;

Отношение агенса к диктуму;

Пациенс – адресат диктума;

Мотив – события, предшествующие диктуму;

Цель – цель, преследуемая агенсом, формулирующим диктум;

Диктум – сообщение, соответствующее объективной реальности;

Характер диктума – факты, характеристики фактов;

Манера выражения диктума – эксплицитная, имплицитная;

Восприятие диктума агенсом – позитивное, негативное, нейтральное, иное;

Постэффект диктума – события, следующие за диктумом;

Контр-агнс(ы) – агнс(ы), препятствующий диктуму или деформирующий его.

Проиллюстрируем структуру фрейма примером описания конфликтной ситуации, в которой пациенс излагает правду:

But the case is now in jeopardy after Clarke, who had been unemployed and was receiving benefits, took a shop job to comply with welfare laws that oblige benefits claimants to look for work. Under the previous system, Clarke could have obtained a specialist form of insurance to protect her if she lost the case and had to pay the MoD’s legal bill. But the market for this type of insurance has dried up and drastic cuts to legal aid mean she no longer qualifies for funding, even though the job she has taken pays a low wage.

“I was absolutely devastated when legal aid was taken away from me,” said Clarke. “It seemed so unfair. Legal aid had been in place for so long. I told the truth about starting work. I needed to work. I did not lie. Everything was then taken away from me. All of a sudden, I could lose my home by continuing my case, because I had no protection against the MoD’s legal costs. This felt like a punishment for telling the truth. It was nothing to do with how important my case was to me, or to thousands of other families and soldiers who would benefit if the case was won.” (Guardian)

Инициатором диктума является женщина по имени *Clarke*, а содержание диктума представлено ее детальным описанием ситуации *"Clarke, who had been unemployed and was receiving benefits, took a shop job to comply with welfare laws that oblige benefits claimants to look for work... Legal aid had been in place for so long. I told the truth about starting work."* Адресатом диктума в данном случае выступают социальные службы, ответственные за предоставление или лишение социальных выплат. Мотивом диктума явилось стремление сказать правду *"to tell the truth"*, а целью — *"to comply with welfare laws that oblige benefits claimants to look for work"*. В данном случае эксплицитное выражение диктума имело негативные постэффекты — лишение социальных выплат, приведшее к состоянию отчаяния: *"I was absolutely devastated when legal aid was taken away from me?"*, а также неутешительный вывод о том, что *"This felt like a punishment for telling the truth"*.

Анализ концептуального содержания слота 'постэффекты' показывает, что содержание может иметь амбивалентный характер — то есть быть воспринято положительно и иметь положительный эффект, равно как и может вызвать отрицательную реакцию, так как сообщаемая правда может быть неприятной для контр-агенса. В русском языке, например, этот концептуальный процесс нашел отражение в пейорации значения слова 'правдолюб'.

Вторым полярным концептом аксиологической оппозиции является концепт *lie*. Наиболее общепринятым определением лжи является следующее: «Ложь — это заявление, сделанное тем, кто в него не верит, с намерением заставить кого-то другого поверить в него» (Isenberg, 1973, p. 248).

Структура фрейма LIE совпадает со структурой фрейма TRUTH, однако концептуальное содержание слотов будет отличаться. Необходимо отметить, что это будет касаться концептуального содержания практически всех слотов из представленных ниже:

- Агнс — инициатор диктума;
- Отношение агенса к диктуму;
- Пациенс — адресат диктума;
- Мотив — события, предшествующие диктуму;
- Цель — цель, преследуемая агенсом, формулирующим диктум;
- Диктум — сообщение, не соответствующее объективной реальности;
- Характер диктума — факты, характеристики фактов;
- Манера выражения диктума — эксплицитная, имплицитная;
- Восприятие диктума агенсом — позитивное, негативное, нейтральное, иное;
- Постэффект диктума — события, следующие за диктумом;
- Контр-агнс(ы) — агнс(ы), препятствующий диктуму или деформирующий его.

Иллюстрацией структуры события LIE может послужить пример, представленный ниже:

...As a teenage worker my mother had broken a recently established pattern. When she left school in 1927, she hadn't gone into the sheds. She **lied** to me,

though, when I asked at about the age of eight what she'd done: she said she'd worked in an office, done clerical work. Ten years later, on a visit to Burnley and practising the skills of the oral historian, I talked to my grandmother, and she, puzzled, told me that Edna had never worked in any office, had in fact been apprenticed to a drycleaning firm that did tailoring and mending. On the same visit, the first since my early childhood, I found a reference written by a local doctor for my mother, who about 1930 applied for a job as a ward maid at the local asylum, confirming that she was clean, strong, honest and intelligent. I wept over that of course, for a world where some people might doubt her — my — cleanliness.

В данном случае агенсом диктума (сообщения, которое не соответствует реальности) выступает мать пациента, что подтверждается его эксплицитным утверждением — “she lied to me”. Здесь слот отношения агенса к диктуму, равно как и мотив события, остается лакунарным, так как в ограниченном фрагменте дискурса отсутствует прямая или косвенная референция к причинам, а следовательно, и к отношению агенса, к содержанию диктума. Мотив и цель диктума, преследуемые агенсом, выводимы инферентно — стремление казаться более успешным (“she said she'd worked in an office, done clerical work”). Искаженные факты, которые не имели места, были выражены в эксплицитной манере. Постэффекты диктума охватывают значительный временной промежуток — “Ten years later, on a visit to Burnley”, а реакции пациента и контр-агенса на содержание диктума описываются глаголом ‘puzzle’: “I talked to my grandmother, and she, puzzled, told me that Edna had never worked in any office”. Постэффектом диктума в данном примере является острое чувство сопереживания, так как изначальный мотив и цель лжи были вызваны стремлением казаться более успешным в глазах сына.

Этот и множество других примеров приводят к размышлению о разном типе концептуального содержания слотов не только собственно диктума, но слотов мотива и цели фрейма LIE. Так, в английском языке существуют вербализованные концепты типа “white lie” — “if you refer to an untrue statement as a white lie, you mean that it is made to avoid hurting someone's feelings or to avoid trouble, and not for an evil purpose” (Collins Dictionary), а в русском «ложь во спасение» — «ложь, оправдываемая благими целями» (Серов, 2004, с. 138). Иными словами, наличие благого мотива и цели заведомой неправды делает факт лжи не просто ограниченно приемлемым, а приемлемым совершенно и прагматически оправданным не только агенсом, но и пациентом и контр-агеном.

Проведенное исследование на материале английского языка показало, что аксиологическая оппозиция осмысляется в виде континуума с крайними точками ‘правда / истина’ и ‘ложь / обман’, а также зоной блэнда ‘ни правда — ни ложь’. Именно эта зона фиксирует информацию о новых концептах, а следовательно, и парадоксальных с точки зрения аксиологии лексических единицах определенного типа, которых численно больше в английском языке:

1. Alternative truth — a blatant lie (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=alternative%20truth>);

2. Post truth — a time when objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief (OELD);

3. Counter-truth(s) – a truth expressed in opposition to the proposed truth (<https://en.wiktionary.org/wiki/countertruth>);

4. Counter-knowledge – misinformation packaged to look like a fact (<https://en.wiktionary.org/wiki/>);

5. Alternative facts – falsehoods, untruths, delusions (<https://www.dictionary.com/e/slang/alternative-facts/>).

Данные концепты вербализуются посредством добавления основ *alternative* и *counter*, что создает впечатление множественности возможных вариантов существования объективной реальности и также подчеркивается наличием формы множественного числа у *counter-truths*. Интересно, что лексические единицы данного типа не были заимствованы в русском языке, о чем свидетельствует нулевой результат поиска в Национальном корпусе русского языка.

Выводы

Анализ структуры аксиологических бинарных оппозиций *truth – lie*, выполненный на основе материала современного английского языка и данных корпусов, позволил построить концептуальную модель фреймов TRUTH и LIE. Данные концепты принадлежат к полярным областям концептуального континуума. Размытие границ данных концептов под действием причин экстралингвистического характера (интенсификация информационных потоков и увеличение собственно объема информации) привело к формированию зоны бленда ‘ни правда – ни ложь’, инкорпорирующей аксиологические парадоксы альтернативной истины, полуправды и т.д. Формирование концептуального континуума, зоны бленда, а также схожесть структуры фреймов TRUTH и LIE создает множественные точки концептуальной аксиологической референции, порождая условия для ее дальнейшего расширения, предоставляя точки альтернативной референции, искажая восприятие истинности фактов реальной действительности и, таким образом, закладывая основу манипулятивного воздействия.

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Список литературы

Аристотель. Метафизика. М., 2006.

Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. 1984–1985 гг. М., 1985. С. 82–138.

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 6–25.

Бердяев Н. А. Религия воскресения («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // Грезы о Земле и небе. Антология русского космизма. СПб., 1995. С. 242–258.

Боярская Е. Л., Шевченко Е. В., Томашевская И. В. Изменения концептуальной структуры аксиологической категории: эволюция или деволуция // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке : сб. науч. тр. : в 2 ч. М., 2021. С. 726–727.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1881. Т. 2.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1882. Т. 3.

Заботкина В.И. Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: Аксиосфера культуры // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук. М., 2017. С. 28 – 45.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Знаков В.В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. №2. С. 55 – 64.

Кассен Б. В защиту непереводаемости. Беседа с Михаэлем Устинофф // Логос. 2011. №5 – 6. С. 4 – 2.

Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2004.

Фома Аквинский. Сумма теологии. М., 2006. Ч. 1.

Черников М.В., Перевозчикова Л.С. Категории «правда» и «истина» в русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8, №2. С. 143 – 156.

Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon / ed. by B. Cassin. Princeton, 2014.

Glanzberg M. Truth // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition) / ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/> (дата обращения: 01.09.2022).

Isenberg A. Deontology and the Ethics of Lying // Aesthetics and Theory of Criticism: Selected Essays of Arnold Isenberg. Chicago, 1973. P. 245 – 264.

Martin S. Supplemental Update // Semantics and Pragmatics. 2016. Vol. 9, art. 5. P. 1 – 61. doi: 10.3765/sp.9.5.

Об авторах

Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, руководитель научно-образовательного Центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: zabotkina@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6674-8052

Елена Леонидовна Боярская, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; научный сотрудник, Центр когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

ORCID ID: 0000-0003-0179-8643

Для цитирования:

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции *истина – ложь* // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 126 – 136. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-8.

CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE BINARY AXIOLOGICAL OPPOSITION TRUTH – LIE

V.I. Zabotkina¹, E.L. Boyarskaya^{1, 2}

¹Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

²Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 20, 2022

Accepted on November 15, 2022

doi: 10.5922/2225- 5346-2023-1-8

Axiological categories and the concepts they consist of have always been a major area of interest in science. The development of cognitive linguistics has opened new perspectives for the study of axiological events, categories and concepts within them. This article explores the structure of the axiological binary opposition truth-lie, based on the material of the English language. In English, the verbalised concept truth encodes information about both objective truth as well as its subjective perception and re-translation. A combination of methods – definitional, frame and conceptual analyses – makes it possible to investigate and model the structure of the frames TRUTH and LIE, identify their main slots and the type of conceptual information they encode. The results of the analyses suggest that the two frames have the same structure and the same number and type of slots. However, the conceptual content of the slots is different. From the conceptual point of view, the axiological binary opposition truth – lie is a continuum having an intermediate blend zone “neither truth nor lie”, incorporating the axiological paradoxes, which form the conceptual basis of manipulation.

Keywords: truth, lie, axiology, concept, frame, modelling, structure

References

- Aristotle, 2006. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 1985. *K filosofii postupka. Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik. 1984 – 1985 gg.* [To the philosophy of action. Philosophy and Sociology of science and Technology. Yearbook. 1984 – 1985]. Moscow, pp. 82 – 138 (in Russ.).
- Berdyayev, N.A., 1995. The Religion of Resurrection (“Philosophy of the Common Cause” by N.F. Fedorov). In: *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of Earth and sky]. St. Petersburg, pp. 242 – 258 (in Russ.).
- Berdyayev, N.A., 1991. Philosophical Truth and intellectual Truth. In: *Vekhi (sbornik)*. Sverdlovsk (in Russ.).
- Boyarskaya, E.L., Shevchenko, E.V. and Tomashevskaya I.V., 2021. Changes in the conceptual structure of the axiological category: evolution or devolution. In: *I National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics, CAICS 2020*, pp. 726 – 727 (in Russ.).
- Cassin, B., 2011. In defense of untranslatability. Conversation with Mikael Ustinoff. *Logos*, 5 – 6 (84), pp. 4 – 12 (in Russ.).
- Cassin, B., Apter, E. and Lezra, J., 2014. *Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon*. Princeton.
- Chernikov M. V., Perevozchikova L.S., 2015, Kategorii “pravda” i “istina” v russkoy kul’ture [The categories of “pravda” and “istina” in Russian culture]. *Historical Psychology and the Sociology of History*, 8 (2), pp. 143 – 156 (in Russ.).
- Dal, V.I., 1881. *Tolkovnyi slovar’ zhivogo veikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. St. Petersburg and Moscow, T. 2 (in Russ.).

- Dal, V.I., 1882. *Tolkovyi slovar' zhivogo veikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. St. Petersburg and Moscow, T. 3 (in Russ.).
- Glanzberg, M., 2021. Truth. In: E.N. Zalta, ed. *Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition)*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/> [Accessed 01 September 2022].
- Isenberg, A., 1973. Deontology and the Ethics of Lying. In: *Aesthetics and Theory of Criticism: Selected Essays of Arnold Isenberg*. Chicago, pp. 245–264.
- Martin, S., 2016. Supplemental Update. *Semantics and Pragmatics*, 9 (5), <https://doi.org/10.3765/sp.9.5>.
- Serov, V., 2004. *Encyclopaedic Dictionary of Catch Phrases and Expressions*. Moscow (in Russ.).
- Thomas Aquinas, 2006. *Summa teologii* [Summary of theology]. Moscow, part 1 (in Russ.).
- Zabotkina, V.I., 2017. Event representation: an integrated approach from the perspective of cognitive sciences: Axiosphere of culture. In: *Reprezentatsiya sobytiy: integririvannyi podkhod s pozicii kognitivnykh nauk*: [Event representation: an integrated approach from a cognitive science perspective]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A.A., 2006. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Ambiguity in language and ways of its representation]. Moscow, 672 p. (in Russ.).
- Znakov, V.V., 1994. Categories of truth and Lies in the Russian Spiritual Tradition and modern Psychology of Understanding. *Voprosy Psichologii* [Questions of psychology], 2, pp. 55–64 (in Russ.).

The authors

Dr Vera I. Zabotkina, Professor, Vice-rector for International Cooperation, Director of the Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: Zabotkina@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6674-8052

Dr Elena L. Boyarskaya, Associate Professor, Higher School of Philology and Cross-cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Research Fellow, Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

ORCID ID: 0000-0003-0179-8643

To cite the article:

Zabotkina, V.I., Boyarskaya, E.L., 2023, Conceptual structure of the binary axiological opposition *truth – lie*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 126–136. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-8.

